

Будущее Экономики - Краткая статья для экономистов (1984 г.)

Международная Ассоциация за Естественный экономический порядок

В течение «золотых» лет пятидесятых и шестидесятых годов профессор Пол Самуэльсон, известный ваш американский коллега, автор самого успешного учебника по экономике, изданного после войны, а также лауреат Нобелевской премии в области экономики, с большой уверенностью заявил, что современная «смешанная экономика» получила устойчивый контроль над проблемами, которые несут в себе бизнес циклы и кризисы. По его словам, новое наступление большого международного экономического кризиса стало практически невозможным.

Однако экономические события только последних нескольких лет были достаточными, чтобы разрушить эту веру во власть экономической науки и в возможность экономики существовать без кризисных колебаний. Продолжительная массовая безработица поколебала уверенность экспертов и пошатнула их престиж в общественном мнении. Ущерб, наносимый окружающей среде, гонка вооружения, и нерешенные конфликты между индустриальным северным миром и государствами слаборазвитого юга также внесли свою лепту.

В обществе и среди вас, часто высказывались тревожные мнения о текущем состоянии экономики, которая не была в состоянии предотвратить эти проблемы. Профессор Джон Робинсон, ваш известный английский коллега, не так давно скончавшийся, даже дошел до крайней степени в своем определении «очевидного банкротства экономической теории». Хотя этот диагноз может быть немного преувеличен, нельзя отрицать, что экономические науки испытывают серьезный кризис и представляют собой образец беспомощности и разногласия с остальной частью мира.

Эти неожиданные вызовы привели к процессу повторного рассмотрения и переориентации в вашей области, о чем свидетельствует внезапное появление относительно большого количества теоретических новшеств, таких как «новая политическая экономика», «новая микроэкономика», «новая макроэкономика», и понятие «альтернативной экономики». Этот процесс также наблюдать на специализированных конгрессах, где критически рассматриваются существующие теоретические положения, и проводится поиск решений существующего кризиса.

Мы разделяем эту тревогу о неотложных проблемах современности и поддерживаем ваши поиски возможных решений с большим интересом и уважением. Однако мы отмечаем, что процесс пересмотра еще должен охватить общие систематизированные принципы существующих экономических систем. В дополнение к замороженной конфронтации между экономическими системами Востока и Запада, между Севером и Югом, пока отсутствует какая-либо концепция в четко определенной форме, которая способна сбалансировать противоречия и удовлетворить требования личной свободы и социальной справедливости, сохранения окружающей среды и мира. Поэтому мы хотели бы обратиться к вам, как компетентным специалистам в своей области, сосредоточить ваши исследования в большей мере на развитии органической модели, выходящей за пределы различных экономических систем.

Кроме того, особый интерес нашего обращения к вам с этой краткой статьей состоит в том, чтобы, побудить вас внимательно рассмотреть (поскольку вы находитесь в поиске новых

путей в экономике) предложения, которые были уже сделаны несколько десятилетий назад социальным реформатором Сильвио Гезеллем касательно анализа существующих представлений и стратегических связей в научной структуре экономики.

К сожалению, в прошлом почти не происходило более глубокого обмена идеями между экономистами университетской школы и последователями Гезелля, которые считались непринадлежащими к данным кругам. Возможно, экономисты прежде считали, что их доступ к работе Сильвио Гезелля оказывался более затрудненным часто слишком мессианским значением, придаваемым его последователями. Поэтому, те, кто занимался развитием неоклассической школы, либо полностью пренебрегали, либо – как это часто происходит с новыми и нетрадиционными теориями – не относились к этому серьезно.

Тем не менее, несколько известных экономистов со временем привлекли внимание к важности работ Гезелля, несмотря на оговорки, сделанные экспертами. Их комментарии о Сильвио Гезелле, которые мы включили в приложение, содействуют тому, чтобы мы воззвали к его памяти и обратились к вам, дамы и господа, критически рассмотреть его мысли относительно их возможного вклада в преодоление социальной, экологической, и политической напряженности, которые достигли критической стадии, как на личном, так и на международном уровне.

В настоящее время, анализу работы Гезелля могут препятствовать не только присущие предубеждения, но также время, прошедшее с момента ее создания, ограниченность во времени и ненаучная формой изложения. Для того чтобы удалить такие возможные барьеры понимания, мы хотели бы предложить вам следующее краткое введение в жизнь и деятельность Гезелля.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ЗА ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК

Биографический комментарий Сильвио Гезелля

Сильвио Гезелль родился в 1862 г. в городе Санкт Вит, расположенном в восточной Бельгии, его матерью была валлонка, а отец – немец. В 1887 г. он эмигрировал в Аргентину, где достиг успеха в качестве коммерсанта, импортера и производителя, и где серьезные экономические кризисы побудили его к теоретическим размышлениям.

В 1900 г. Гезелль отошел от предпринимательской деятельности и эмигрировал в Швейцарию. На ферме около города Ношатель он занимался сельским хозяйством и проводил обширные независимые экономические исследования, раскрывая свой практический опыт и теоретическое понимание в многочисленных публикациях. В 1916 г. была издана в Берне его главная работа «Естественный экономический порядок через свободную землю и свободные деньги». До настоящего времени на немецком языке было выпущено десять изданий, а также изданы переводы на английском, французском и испанском языках.

В апреле 1919 г. у Гезелля появилась возможность проверить свою теорию на практике. По рекомендации философа Густава Ландауэра он был избран Министром финансов Республики Баварии. Срок его полномочий продлился только одну неделю, после чего первая, либеральная администрация членов совета была свергнута второй, коммунистической

администрацией. Впоследствии Гезелль был обвинен в государственной измене, но затем оправдан.

По причине его участия в революционных событиях в Мюнхене, швейцарские власти отказали ему в праве возвратиться на его ферму в Ношателе. Гезелль временно переехал в район Потсдама и позднее в кооперативное поселение Эден-Ораниенбург, расположенное к северу от Берлина, основанное совместно с Францем Оппенгеймером. Там он продолжал писать до своей смерти в 1930 г.

ДОГМАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ГЛАЗАМИ СИЛЬВИО ГЕЗЕЛЛЯ

Фундаментальное органическое ядро работы Сильвио Гезелля становится заметным при исследовании относительно трех больших периодов современной экономики и доктрин, преобладающих во время каждого из них: либеральный капитализм, классическая и неоклассическая экономические теории, кейнсианская революция и эра государственного вмешательства, введенная ею; контрреволюционные взгляды Фридмана и возрождение рынков, продолжающееся по сей день.

Без какого-либо любого сомнения, в истории был сделан большой шаг вперед, когда классический либерализм сумел преодолеть средневековый феодализм и меркантилизм, и сгладил путь для экономики, характеризующейся децентрализованным саморегулированием. Классические и позже неоклассические экономисты развивали теоретическую структуру, чтобы доказать превосходство либеральной экономики, основанной на свободном предпринимательстве, в противоположность экономической системе меркантилизма, опирающейся на отдельное меньшинство и управляющейся сверху. Идея естественного и свободно развивающегося порядка экономики и общества послужила точкой теоретического отправления.

Классическая и неоклассическая школа была основана на суждении, что «богатство наций» (Адам Смит) растет, когда не правительство, а свободные и ответственные индивидуумы определяют курс экономики. Поэтому, сила принятия экономических решений могла быть передана от правительства индивидуумам, потому что рыночная экономика уравнивает личные интересы людей посредством «невидимой руки» и продвигает общественное благо наилучшим образом, чем это осуществляется государством. Согласно этому принципу либерального капитализма, производство и распределение товаров автоматически направлено последовательностью прибылей и убытков, децентрализованным образом регулируемых на рынках. Так как любое предложение создаст свой собственный спрос и легко будет реализовано, как гласит закон Сэя, свободная рыночная экономика, даже без вмешательства вышестоящего органа, будет всегда автоматически достигать устойчивого (динамического) равновесия.

Как мы все знаем, действительность не соответствовала ожиданиям классических и неоклассических экономистов. Стало очевидно, что в теоретической базе возникли определенные структурные недостатки, так как вскоре правление, основанное на отсутствии господства права, вело к возврату таких структур, как монополии и олигополии. По мере того, как они росли, появились более сильные признаки расхождений, которые не вписывались в классическую или неоклассическую картину естественного и гармонического экономического порядка.

Идеал рыночной экономики фактически переродился в капиталистическую рыночную экономику, в которой производство планировалось не для удовлетворения потребностей человека, но прежде всего, ради личной выгоды властных структур. Другими словами, способность экономики к децентрализованному саморегулированию уменьшилась – распределение ресурсов, таким образом, оставалось под оптимальным уровнем, без возможности когда-либо достичь его снова. Поскольку речь шла о распределении национального дохода, деньги перестали являться нейтральным средством расчетов при обслуживании экономики, но чрезвычайно произвольным инструментом власти. Вместо того

чтобы позволить справедливый обмен услугами, это позволило доходу и богатству сконцентрироваться в степени, которая больше не была обоснована индивидуальными различиями в производительности и способности. Внутренняя неопределенность, созданная таким образом в капиталистической рыночной экономике через существование частной концентрации власти, в конечном счете проявляла себя через хроническую неустойчивость, отмеченную чередующимися дефляционными или инфляционными колебаниями в покупательской силе денег и периодическим возникновением вынужденной безработицы.

Ввиду сильного противоречия между классической и неоклассической теорией и экономической действительностью, неудивительно, что сомнения относительно теории должны были всплыть на поверхность. Джон Мейнард Кейнс взял на себя смелость опровергнуть существование «невидимой руки» и таким образом, инициировал «конец либерального капитализма».

Именно Кейнс заложил теоретическую основу для - как он однажды назвал - «разумного управления капитализмом государством». Безусловно, его главная работа не составляла общую теорию, в том смысле, что она исключила существенную теоретическую проблему, представленную менее чем оптимальным распределением ресурсов, а так же неравным распределением доходов и богатства. Кейнс сконцентрировался главным образом на проблеме вынужденной безработицы и верил в ее возможное решение посредством правительственного вмешательства на рынке, в то же самое время, поддерживая деньги, не носящие нейтрального характера, и частные структуры экономической власти.

Вместо поиска причин неустойчивости капиталистического рынка в существовании структур власти, чуждых системе, Кейнс просто заявил о том факте, что автоматическая оздоравливающая способность рынка, искаженного капитализмом, функционировала очень неадекватно. Поскольку профсоюзы успешно выступали против сокращений заработной платы, механизм заработной платы на рынке труда не достигал тех результатов, которые были бы необходимы для его стабилизации в состоянии полной занятости. Кроме того, автоматическое регулирование процентных ставок не было достаточным, чтобы направить общие сбережения в инвестиции всякий раз, когда размер прибыли реального капитала – «предельной эффективности капитала» Кейнса – после периода постоянного увеличения, снижался в пользу заработной платы. Деньги тогда не находили достаточно выгодных вариантов для инвестиций и временно исчезали из (инвестиционных) рынков в качестве платежеспособного спроса. Закон Сэя, согласно которому общее предложение создает эквивалентный спрос, казался ошибочным. Нарушения в спросе со стороны частного сектора привели к застою продаж, которые в свою очередь вызвали увольнения и вынужденную безработицу.

На первый взгляд рецепт Кейнса против безработицы казался очень простым. Он состоял главным образом в идее закрытия любых разрывов со стороны спроса в частном секторе через дополнительный спрос, осуществляемый государством, и финансируемый кредитами, без какого-либо учета распределения и перераспределения, то есть микроэкономических факторов. Таким образом, спрос и предложение были бы снова увязаны на макроэкономическом уровне, и стало бы возможным возвратиться к устойчивому равновесию полной занятости.

В своей экономической политике этим предложениям последовало множество государств после Второй Мировой войны. Они установили обширный статистический аппарат для анализа экономического цикла и принятия решений о применении принципа дополнительного спроса, создаваемого правительством. Они попытались управлять неустойчивостью капиталистической

рыночной экономики «стимулами», предназначенными для активизации программы занятости и стимулировании экономики.

Однако в целом результаты этих экспериментов не были убедительными. Кроме определенных функциональных проблем, таких как определение масштаба программ, сроков их выполнения, непредвиденных побочных эффектов и задержек их вступления в силу, вскоре после их введения стало очевидно, что в экономике, поддержанной таким способом, предельная эффективность реального капитала не увеличивалась до желательной степени и даже имела тенденцию к уменьшению. В соответствии с взглядами последователей Кейнса, государственная политика в отношении занятости развилась в политику государственного поощрения экономического роста, с целью создания новых и выгодных возможностей инвестиций для денежной массы со стороны частного сектора через большие проекты, субсидированные государственными и гражданскими лицами, а так же оборонной промышленностью, привлекая на рынке платежеспособный спрос.

Следовательно, было действительно возможно временно уменьшить социальные противоречия, так как нижние и средние слои общества могли также пожинать «плоды» роста. Однако, существуют веские причины для отрицания того, что ответы Кейнса и его последователей на первый большой вызов, брошенный экономике самым крупным до настоящего момента кризисом либерального капитализма, можно считать постоянным решением проблем нашего времени.

Так как речь идет об экономике, правительственное вмешательство не способно ни удовлетворить ожидания, связанные с ней, ни покончить с безработицей. Это вызвало заблуждение в инфляционной сфере и огромные государственные долги, которые увеличили процентные ставки и таким образом сделали инвестиции в ценные бумаги во многих случаях более привлекательными, чем реальные инвестиции, которые находятся в прямой противоположности к трудовой политике. Неправильное распределение ресурсов и нецелесообразные структуры, присущие неопределенности капиталистической рыночной экономики, увеличиваются посредством результатов несовершенного государственного планирования в различных секторах, таких как производство энергии.

В отношении социальных вопросов, государственное вмешательство может достигнуть только мнимого выхода из положения, потому что оно ограничено тем, что покрывает различия в доходе и богатстве перераспределением, вместо того, чтобы действительно уменьшить их. Поскольку рынок занят частным предпринимательством, ожидание способности государства контролировать частное влияние представляется ошибочным. Вместо того чтобы нейтрализовать друг друга, два блока влияния формируют коалицию.

Это ошибочное социальное решение возлагает еще большее бремя на окружающую среду. Так как неравенство в собственности остается табуированным, уменьшение социального напряжения требует, чтобы сырье и энергия были постоянно преобразованы в увеличение производства для распределения. Затраты природных ресурсов все более увеличиваются, и нарушается экологический баланс.

Независимо от экономического роста, поощряемого государством, основанным на пост-кейнсианских принципах, капиталистическая рыночная экономика - как подчеркивает неоклассическая теория роста - также имеет тенденцию к внутреннему росту, который не

означает, что потребности человека бесконечны или что технический прогресс падает как манна небесная. Скорее, деньги или денежно-кредитный капитал в качестве дисфункционального инструмента управления и распределения содержат тенденцию показательной самомультипликации через простой и сложный процент. Так как денежно-кредитный капитал далее связан с экономикой разными способами и не может расти за ее пределы, он оказывает косвенное давление на реальный капитал, чтобы увеличиваться с той же самой скоростью, как простой и сложный процент.

Эта типичная тенденция к экспоненциальному росту, проявляемому только капиталистическим рынком, начинает замедляться, когда возможности для прибыльного инвестирования денежно-кредитного капитала начинают уменьшаться. Когда в такой ситуации (экологически здоровой) уменьшающаяся тенденция роста стимулируется усилением государственного вмешательства, это означает, что основная ошибка рынка - неправильно функционирующие деньги - осталась нерассмотренной, и что ее неизбежные последствия, такие как неустойчивость и тенденция роста, находятся в противоречии, усиливая сами себя, то есть, совершая новые ошибки для «исправления» существующих.

Так как экспоненциальный экономический рост неизбежно сталкивается с предельными условиями окружающей среды, преследование этой фундаментально тупиковой экономической стратегии не может быть оправдано.

Вложения денег, в постоянном поиске инвестиционных возможностей, в сферу вооружения, где доходность гарантируется государством, поощряет гонку вооружений. В этом году невероятная сумма в триллион долларов инвестируется в мире в вооружение, неся угрозу миру и всем формам жизни в виде ядерного разрушения.

Крушение иллюзий, вызванное отказом правительственного вмешательства в экономику, привело к возрождению рыночной экономики. Профессор Милтон Фридман в своей формулировке количественной теории денег предоставил этому теоретическое обоснование, расширенное соображениями усовершенствования условий для выгодных инвестиций для реформирования состояния предложения через налоговые сокращения, демонтажа бюрократических препятствий и т.д.

Возобновились апелляции к собственным силам рынка, как к инструменту регулирования, не посредством философских обращений к «невидимой руке», а в убеждении, что правительство должно диктовать общие правила игры с помощью установления законодательных рамок и обеспечения, в качестве беспристрастного судьи, исполнения законодательства без непосредственного вмешательства в ход экономической активности.

Определенно, пересмотр способностей рынка и признание того, что они должны были быть встроены в правовые рамки, созданные государством, не являлось ошибкой. Однако до сих пор это привело только к возвращению измененной формы либерального капитализма. Концепция Фридмана о правовых рамках государства осталась очень неполной, так как он не касался темы искажения свободного рынка как рынка, охватываемого частным капитализмом посредством неверно функционирующих денег.

Таким образом, старая проблема потери частного спроса – непредвиденное чередование между эффективностью и неэффективностью крупных объемов денег, находящихся в обра-

щении – все еще существует сегодня. Это было признано, но не решено Кейнсом, также как было признано и не решено Фридманом. Так называемая скорость обращения денег относительно короткого и среднего промежутков времени не является постоянной величиной, как было первоначально принято Фридманом и сторонниками монетаризма. Ее колебания, которые не может предсказать никакая теория вероятности, срывают любые усилия с целью постоянного регулирования объемов денежной массы и приводят, как и прежде, к нарушению экономического равновесия в целом вследствие вынужденной безработицы и колебаний в стоимости валюты.

Возможно, что время для принятия окончательного решения по самому недавнему перелому в экономической политике еще не настало. Тем не менее, уже вполне вероятно, что сторонникам монетаризма и экономистам, ориентированным на стимулирование предложения, не удастся стабилизировать экономику и создать постоянную бескризисную систему. Им также не удалось обнаружить конструктивные недостатки, заложенные в основу рыночной экономики в форме неправильно функционирующих и несимметричных денег и искажения при распределении и перераспределении, которые она производит и что влечет за собой экспоненциальный рост системы. В то же время они полагают, что количественный экспоненциальный рост является главным основанием для достижения стабилизации экономики, хотя, в действительности, он уже является результатом внутреннего разлада капиталистической рыночной экономики.

Монетаризм полностью исключается для обеспечения постоянного увеличения объема денежной массы в обращении и возможности производства. Возможность неразвивающейся экономики не вписывается в свою теоретическую область. Интересно отметить, что для определения условий стабильности такая ситуация и должна произойти. Давление, оказываемое денежной массой на реальный капитал и поощряющее рост, нашло свое самое яркое теоретическое выражение в годовых целях, установленных для расширения «денежного покрытия», в которое должны «врасти» возможности для производства.

И экономика, ориентированная на поощрение предложения, является в своей основе ничем иным как попыткой, также мотивированной идеей экономического роста, улучшить вторичные экономические условия для соответствующего роста реального капитала, и также попыткой увидеть, что денежная масса снова восстанавливает перспективу «адекватного обслуживания» через производимый труд путем так называемой «разумной трудовой политики», следовательно, заново становясь автоматически доступной в качестве платежеспособного спроса. Эта теория также является полной противоположностью конституционных рамок, необходимых для автоматического регулирования рынка, который бы гарантировал наличие денег производителям экономической деятельности в качестве полезного и нейтрального средства обмена. С небольшим преувеличением, экономика, ориентированная на поощрение предложения, является политикой, которая служит капиталистическим интересам, скрытым за ярлыком «рыночной экономики».

ВКЛАД ГЕЗЕЛЛЯ В РАЗВИТИЕ ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ БУДУЩЕГО

Наш короткий обзор догматической и экономической истории, вероятно, не раскрыл существенно новой информации, поскольку факты сами по себе широко известны. Возможно,

что интерпретация Сильвио Гезеллем причинных связей и предложения, сделанные в его время по преодолению социальных и политических различий и созданию устойчивого экономического порядка, могут показаться необычными. Вопрос охраны окружающей среды не был тогда еще столь актуален, но теории Гезелля, могут быть расширены с его учетом.

Вышеупомянутый ретроспективный обзор трех крупных периодов в современной экономике уже показал, что Гезелль осознавал, что более глубокие причины социальных и политических различий, так же как и экономической неустойчивости, лежали во влиянии денег, которое ограничивает конкуренцию в рыночной экономике. Другими словами он не приписывал (таким образом, каким Маркс сделал это еще до него) вырождение рыночной экономики в либеральный капитализм самому рынку (в экологическом смысле, принцип децентрализованного саморегулирования системы взаимосвязи регулирующих циклов, охватывающих всю окружающую среду). Он был далек от предложения отмены рынка и его замены централизованным государственным планированием. Скорее всего, Гезелль хотел создать государственную законодательную базу, более последовательную, чем та, за которую выступал Фридман с целью преодоления структурного влияния денег на рынок посредством обеспечения их постоянной доступности в качестве спроса со стороны частного сектора. Законодательная база предназначалась для того, чтобы деньги обслуживали экономику в виде действительно нейтрального средства обмена без прямого влияния на распределение ресурсов, перераспределение доходов и активов, и динамику экономического развития.

Посредством устранения денежно-кредитного искажения рыночной экономики Гезелль намеревался содействовать полному развитию все еще ограниченных сил саморегулирования и оздоровления рынка. Следовательно, в отличие от идей, отстаиваемых школой невмешательства государства в экономику, в его теории так или иначе подразумевается государственное вмешательство, но не в смысле компенсации сокращения спроса со стороны частного сектора спросом со стороны государства или прямого государственного управления. Государство должно скорее создать законодательную базу вокруг центра денежно-кредитного порядка, который с одной стороны поддерживает свободу принятия решений в частном секторе, но с другой стороны гарантирует, что реальные инвестиции существующего денежно-кредитного капитала не устраняются по причинам доходности.

Как известно, Кейнс изучил теорию Гезелля и определил ее как «антимарксистский социализм» (двадцать третья глава, шестой раздел его общей теории), что указывает на ее потенциальное значение в качестве альтернативы капитализму и коммунизму, и способу преодоления различий между Востоком и Западом. Взгляд Гезелля можно было точно также назвать «антикапиталистическим либерализмом», а соответственно структурированную экономику – «посткапиталистической рыночной экономикой». Эти определения указывают на его роль как на альтернативу посткейнсианским и монетаристским доктринам, которые преобладают на Западе. В соответствии с выдвинутыми здесь соображениями фактически возможно найти способы преодоления разделения экономики между неоклассической школой, основанной на микроэкономике, и макроэкономической посткейнсианской теорией.

Анализ Гезеллем влияния денег содержит несколько слабых моментов, возможно, вследствие ограниченностей, присущих его времени. В соответствии с золотым стандартом, все еще используемым в то время, он обосновывал свои идеи о существенном превосходстве денег, обеспеченных золотом над каким-либо товаром, подверженным порче. Его анализ, таким образом, оставался фрагментарным и не являлся сколько-нибудь убедительным. Только совсем

недавно профессор Дитер Зур расширил его относительно теории ликвидности, придав ему более здравое обоснование.

Из-за нескольких «очевидных недостатков в его доводах» - сказал Кейнс о Гезелле и его теории, – «я затруднялся найти какие-либо достоинства». Это произошло только после того, как Кейнс разработал свою собственную концепцию правительственного вмешательства, в которой он признал значение «глубоких основоположных начинаний» Гезелля, хотя это не заставило его внести коррективы в свой собственный ход экономической мысли. Дело закончилось тем, что Кейнс признал без каких-либо последствий на тот момент, что работа Гезелля, несмотря на ее аналитические недостатки, являлась «достаточно разработанной для того, чтобы сделать практическое заключение, которое может содержать семя того, что необходимо».

«Практическое заключение» состояло в идее устранить влияние, которое имеют деньги, основанные на преимуществах ликвидности, придав им в случае изъятия из обращения в качестве платежеспособного спроса так называемую плату за простой. Преимущество в ликвидности, до сих пор имеющееся у денег над результатами человеческого труда и всех видов товаров, было бы таким образом компенсировано отрицательным характером ликвидности. Поэтому деньги, особенно в форме денежного капитала, вынуждены были бы создать платежеспособный спрос (инвестиционного характера) на рынке, как только предельная эффективность реального капитала начала уменьшаться и, при чрезвычайных обстоятельствах, приближаться к нулевому проценту, даже если бы это больше не получало «адекватную доходность».

В прошлом деньги изымались из реальных инвестиций, как только средний ожидаемый доход по всем инвестициям падал ниже приблизительно 3 %. При введении платы за простой денег экономический цикл оставался бы закрытым. Предельная эффективность реального капитала и рыночной процентной ставки постепенно падала бы к приблизительно нулевому проценту, и капиталистическая рыночная экономика перешла бы к посткапиталистической рыночной экономике. Такое развитие принесло бы несколько положительных результатов.

Рыночные силы саморегулирования и оздоровления, которые до сих пор теряли свою эффективность около низкого уровня ставки приблизительно в 3%, когда происходит изъятие денег из спроса, могли бы действовать даже ниже этого предела. Процентная ставка не исчезла бы, но колебалась в определенных пределах около точки равновесия на нулевом уровне. Как индикатор дефицита, она также обеспечивала бы оптимальное распределение денежного потока в инвестиции самым лучшим образом в соответствии со спросом. Функция процента по распределению денежных средств была бы сохранена не фиксированной минимальной ставкой около 3 %, но исключительно динамикой движения процентных ставок.

При этих обстоятельствах деньги становятся средством обмена при полной нейтральности в распределении, допуская справедливый обмен услугами на отдельных рынках. Так как положительные и отрицательные отклонения процентной ставки от пункта нулевой точки компенсируют друг друга, деньги также становятся нейтральными при распределении. Другими словами, существующие различия в доходах и активах не могут увеличиться еще больше. Таким образом, создаются элементарные условия для сокращения и преодоления социальных контрастов. Кроме того, такое сокращение в стоимости кредита позволяет многим, кто в настоящее время находится в зависимом состоянии на своем предприятии или является безработными, устроиться лучшим образом, так как введение оплаты за простой денег также

стимулирует децентрализацию бизнеса. Чтобы быть уверенными в том, что это автоматически не приведет к роспуску всех существующих структур управления частной предпринимательской деятельности, такая цель требует принятия дополнительных мер, которые еще предстоит разработать.

Посткапиталистическая рыночная экономика, которая только была здесь описана довольно неполным образом, также создает устойчивый порядок относительно занятости и покупательной силы денег. Как только процентная ставка выравнивается на уровне в 0 %, поток общих сбережений устремляется в инвестиции под давлением платы за простой денег и застоя в торговле, и вынужденная безработица становится пережитком прошлого. Условия, выдвинутые согласно рыночному закону Сэя, таким образом, удовлетворяются: спрос и предложение создают постоянное состояние равновесия, как на отдельных рынках, так и в целом. Этот баланс остается устойчивым не только с макроэкономической, но также и с микроэкономической точки зрения.

Как только скорость обращения денег больше не подвергается непредсказуемым колебаниям и становится устойчивой под влиянием платы за простой денег, для центральных банков становится более целесообразным скорректировать количество объема денежной массы в обращении с возможностями производства, таким образом, чтобы избежать инфляционных и дефляционных изменений в покупательной силе денег. Также происходит переход от экспоненциального и количественного роста к росту качественному, в дополнение к переходу к посткапиталистической рыночной экономике, ослабляя таким образом противоречие между экономикой и окружающей средой.

Уменьшающаяся процентная ставка, окончательно установившись на уровне около 0 %, также позволяет управлять и устранить пагубное убеждение к необузданному показательному росту денежно-кредитного капитала и следовательно также реального капитала. Поэтому деньги в конце также достигают нейтральности в своем росте.

Плата за простой денег позволяет стабилизировать экономику без посткейнсианских стимулов, а также стимулов со стороны предложения в отношении роста, даже в ситуации, в которой уменьшается предельная эффективность реального капитала. Вместо этого плата за простой поддерживают сдержанную тенденцию количественного роста, которая наблюдалась в кризисах, имевших место ранее. Предвосхищая изъятие денежно-кредитного капитала из платежеспособного спроса, плата за простой одновременно обеспечивает факт, что после насыщения одного инвестиционного рынка за другим, поток сбережений направляется в социальные и культурные сферы, в которых по причинам доходности этого потока до настоящего времени было недостаточно, таким образом, производя качественный рост.

Также, в этом случае справедливым является тот факт, что дополнительные меры, такие как проведение политики по охране окружающей среды, соответствующей рыночной ситуации, будут являться неотъемлемым условием.

В посткапиталистической рыночной экономике, которая использует форму денег, остающихся нейтральными относительно экономического роста, импульс роста или сокращения может быть стимулирован только человеческими желаниями, а не личными интересами денежно-кредитного капитала. При условии, что денежная масса, находящаяся в обращении, также постоянно присутствует в качестве платежеспособного спроса, экономика может быть

стабилизирована соответствующими корректировками денежной массы, независимо от того, растёт ли она или нет.

В конечном счете, снижение процентной ставки и предельной эффективности реального капитала также требует дополнительных политических решений для воспрепятствования перетока денежно-кредитного капитала из сферы гражданского производства в военную промышленность.

Ни один из положительных моментов платы за простой денег, которые мы рассмотрели, не могут иметь место, если бы они были представлены в форме, первоначально предложенной Гезеллем (прикрепление марки на банкноты или использование для этого какого-либо оборудования). Эти методы не могут быть осуществлены на практике. В этом смысле Кейнс был прав в своих высказываниях о плате за простой: «идея о марочных деньгах является здоровой... хотя она и не может быть реализована таким образом, каким предлагается». Тем не менее, последователи Гезелля разработали лучшие способы реализации этой «здоровой идеи».

Нельзя не упомянуть, что в результате такого изменения в природе денег Гезелль опасался их перетока в товарно-материальные активы, особенно в земельную собственность, как это уже было во время инфляционных периодов. Однако, чтобы предотвратить любую спекуляцию с земельными участками, он предложил их постепенный выкуп из частных рук общественностью и сдачу в аренду лицу, предлагающему самую высокую цену, в наследственное владение на правах аренды с целью его личного использования. Справедливости ради, необходимо отметить, что должны быть найдены и другие способы реализации этой существенно «здоровой идеи». Кроме того, решение требуется не только по проблеме спекуляции земельными ресурсами, но также и по ресурсам, находящимся в недрах, в частности - эксплуатации полезных ископаемых.

Без сомнения, теория Сильвио Гезелля, кратко изложенная в данной публикации, не рассматривает большого числа вопросов, на которые пока еще не ответили Гезелль и его последователи. Однако это является не причиной, чтобы отказаться от их более близкого рассмотрения и заново следовать избитыми путями неоклассической или посткейнсианской мысли. Она является вызовом экономической науке, чтобы выяснить, могут ли оставшиеся без ответа вопросы быть решены на основании теории Гезелля.

Заявления, сделанные известными экономистами о Гезелле, которые включены в ниже-следующее приложение, подтверждают предпосылку, что его предложения могут содержать семя новой основной экономической теории. Это возможность, которая подтверждает необходимость провести экономическое исследование, перевести мысли Гезелля на современный лад, связать их с настоящей стадией теоретического развития и, наконец, превратить их в платформу для экономического порядка, на основе которого может быть решено множество неупомянутых проблем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Свободные деньги могут оказаться лучшим регулятором скорости обращения денег, который является самым запутанным элементом в стабилизации уровня цен. Будучи правильно примененным, он мог фактически вытянуть нас из кризиса через несколько недель. Я - скромный слуга предпринимателя Гезелля».

Профессор д-р Ирвинг Фишер, экономист, Йельский университет, Нью-Хейвен, США
Марочный сертификат, Нью-Йорк: 1933 г., стр. 67, Mail and Empire, Торонто: 11/21/1932 г.

«Основная работа Гезелля написана в рассудительных и научных терминах, несмотря на то, что через нее красной нитью проходит страстная и наполненная преданностью социальной справедливости, которая, как многие полагают, не совсем уместна для ученого. Я полагаю, что будущее научится больше у духа Гезелля, чем у Маркса».

Джон Мейнард Кейнс, экономист, член совета Королевского колледжа, Кембриджский университет, Англия
Общая теория занятости, процента и денег, Лондон (1957 г.), стр. 355 (полный текст, посвященный Гезеллю - стр. 353-358 и 379).

«Точка зрения Гезелля является антиклассической и антимарксистской... Уникальность теории Гезелля лежит в его отношении к социальной реформе. Его теория может быть понята только при рассмотрении его общей точки зрения как реформатора... Его анализ не разработан в полной мере в нескольких важных пунктах, но в целом его модель не содержит недостатков».

Профессор д-р Дадли Диллард, экономист, Университет Мэриленда, США
Денежная теория Гезелля о социальной реформе, Американское экономическое обозрение (AER), Том 32 (1942 г.), стр. 348-349.

«Мы особо хотели бы засвидетельствовать наше большое уважение таким первопроходцам как Прудон, Уолрас и Сильвио Гезелль, которые уладили разногласия индивидуализма и коллективизма, на которых зиждется тот экономический порядок, к которому мы стремимся».

Профессор д-р Моррис Алис, экономист, Парижский университет, Франция
Economie et Intérêt, Париж 1947 г., стр. 613.

«Академические экономисты готовы проигнорировать «чудаков», особенно финансовых реформаторов. Йохансенн, Фостер, Кэчингс, Хобсон и Гезелль - все они внесли блестящий вклад в свое время, но не были приняты общественностью. Но есть надежда, что будущие экономисты с пониманием отнесутся к тем, кто обладает огромной экономической интуицией».

Профессор д-р Лоренс Кляйн, экономист, Университет Пенсильвании, США
Кейнсианская революция (1949/1968 гг.), стр. 152.

«Экономическая наука приписывает Сильвио Гезеллю глубокую способность проникновения в суть природы денег и процента, но Сильвио Гезелль всегда считался чудаковатым коллегой в экономических кругах. Безусловно, он не был никаким профессором, что уже возбуждает подозрение... Решающим фактом является то, что фундаментальные идеи Сильвио Гезелля относительно экономического порядка являются верными и образцовыми. Образцовыми, кроме того, что при создании функционального денежно-кредитного порядка он должен видеть самую суть функционирования экономического и общественного строя».

Профессор д-р Джоаким Стабатты, экономист, Университет Тюбинген, Германия
Критическая оценка денежно-кредитной политики утопической Баратарии Сильвио Гезелля.
Вопросы свободы, №. 129/1977г., стр.6 и 30-31.

«Сильвио Гезеллю удалось ясно написать и сделать понятными свои идеи – дар, в котором сегодня испытывают недостаток чистые теоретики и реформаторы, так же как и множество экспертов-практиков. Естественный экономический порядок стоит прочесть даже в наши дни... Гезелль разработал блистательные концепции и был забыт, в то время как его менее блистательные современники... ослепили своим блеском несколько поколений, перед тем как проявилась реализация их ошибочности».

Профессор д-р Освальд Хан, экономист, Университет Эрланген – Нюремберг, Германия.
В память о Сильвио Гезелле. Денежно-кредитный журнал. Том 33 (1980 г.), №. 6, стр. 5.

«Гезелль – интеллектуал со стороны, который очень оригинальным образом затронул темы денег и процента, прав на полные доходы от экономической деятельности и предложений по методам решений проблем... Идеи, которые он осмыслил относительно проблем и то, что он считал целесообразным в условиях кризиса своего времени, стоят рассмотрения относительно фундаментального усовершенствования денежно-кредитной системы вообще».

Профессор д-р Дитер Зур, юрист, Университет Аугсбурга, Германия
Деньги без прибавочной стоимости - разгрузка рыночной экономики от монетарных издержек операций. Франкфурт, 1983 г., стр. 17 и 51.

«Гезелль – основатель свободной экономики, будучи человеком сторонним в экономике, был признан Кейнсом, в определенном смысле, в качестве своего предшественника. Поэтому он считается, прежде всего, сверх кейнсианским экономистом, своего рода гиперкейнсианцем, то есть сторонником школы, которая пропагандирует по возможности самую низкую (номинальную) процентную ставку, как средство предотвращения кризисов. Гезелль, однако, также признал, что проблема кризиса не может быть решена исключительно уменьшением процентной ставки... По этой причине Гезелль предлагает, как необходимое соотношение

понятие к введению «свободных денег»... введение «свободной земли»... Главная работа Гезелля, таким образом, имеет название «Естественный экономический порядок через свободную землю (!) и свободные деньги». Это доказывает, что реальные аспекты экономики - то есть требование о земле или ресурсах - никогда не должны теряться из виду, даже если первостепенное значение связывается с денежно-кредитными факторами. Это было более ясно признано Гезеллем, чем Кейнсом».

Профессор д-р Ханс С. Биншвангер, экономист, Колледж Академии экономических и общественных наук в г. Санкт-Галлен, Швейцария.

Деятельность без экологического разрушения - стратегии новой экономической политики. Франкфурт 1983 г., стр. 246 - 248.

Для дальнейшего чтения

- Сильвио Гезелль, Естественный экономический порядок (Перевод Филиппа Руе). Берлин 1929 г. и Лондон 1958 г.
- Теофил Кристен, Денежно-кредитная и социальная реформа Гезелля – Свободная Экономика (Перевод Филиппа Руе). Берлин, 1930 г.
- Джон Хенри Бючи, Свободные деньги - Путь из лабиринта денег. Лондон 1933 г.
- Дадли Диллард, Денежная теория социальной реформы Гезелля, в Американском экономическом обозрении (AER), Том 32 (1942 г.), №. 2, стр. 348-349.
- Рой Хэррод, К динамической экономике - о некоторых недавних событиях экономической теории и их применении к политике. Лондон 1948 г.
- Лоренс Кляйн, Кейнсианская революция, Лондон 1949 г. и 1968 г. Глава V, стр. 124-152.
- Леонард Уайз, Великие реформаторы денег - Сильвио Гезелль, Артур Китсон, Фредерик Содди. Лондон 1949 г.
- Дитер Зур, Капиталистическая структура затрат и выгод денег. Нью-Йорк и Берлин 1989 г.

Автор: Вернер Онкен